

Anthony
Burgess

ЭНТОНИ БЁРДЖЕСС

ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН
СЕМЯ ЖЕЛАНИЯ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б11

Серия «NEO-Классика»

Anthony Burgess

A CLOCKWORK ORANGE
THE WANTING SEED

Перевод с английского *В.Б. Бошняка* («Заводной апельсин»),
А.А. Комаринец («Семя желания»)

Компьютерный дизайн *А.И. Орловой*

Печатается с разрешения International Anthony Burgess Foundation
при содействии литературных агентств
David Higham Associates Limited и The Van Lear Agency LLC.

Бёрджесс, Энтони.

Б11 Заводной апельсин. Семя желания : [романы] / Энтони Бёрджесс ; [пер. с англ. В.Б. Бошняка, А.А. Комаринец]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 480 с. — (NEO-Классика).

ISBN 978-5-17-104422-0

Два гениальных произведения, сравнимые по уровню, стилю и воздействию на читательское сознание разве что с «1984» Джорджа Оруэлла и «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли.

«Заводной апельсин» (1962) — литературный парадокс XX столетия, роман, признанный классикой современной литературы.

«Семя желания» (1962) — антиутопия, в которой Бёрджесс описывает недалекое будущее и ставит перед читателем извечный вопрос: возможно ли сделать идеальным мир, где живут неидеальные люди?..

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-104422-0

© International Anthony Burgess Foundation, 1962
© Перевод. В.Б. Бошняк, 2013
© Перевод. А.А. Комаринец, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Заводной апельсин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

— Ну, что же теперь, а?

Компания такая: я, то есть Алекс, и три моих druga, то есть Пит, Джорджик и Тём, причем Тём был и в самом деле парень темный, в смысле glupyi, а сидели мы в молочном баре «Korova», шевеля mozgoi насчет того, куда бы убить вечер — подлый такой, холодный и сумрачный зимний вечер, хотя и сухой. Молочный бар «Korova» — это было zavedeniye, где давали «молоко-плюс», хотя вы-то, блин, небось уже и запомнили, что это было за zavedeniye: конечно, нынче ведь все так скоро меняется, забывается прямо на глазах, всем plevatt, даже газет нынче толком никто не читает. В общем, подавали там «молоко-плюс» — то есть молоко плюс кое-какая добавка. Разрешения на торговлю спиртным у них не было, но против того, чтобы подмешивать кое-что из новых shtutshek в доброе старое молоко, закона еще не было, и можно было pitt его с велосетом, дренкромом, а то и еще кое с чем из shtutshek, от которых идет тихий baldiozh и ты минут пятнадцать чувствуешь, что сам господь бог со всем его святым воинством сидит у тебя в левом ботинке, а сквозь mozg проскакивают искры и фейерверки. Еще можно было pitt «молоко с ножами», как это у нас называлось, от него шел tortsh и хотелось dratsing, хотелось gasitt когнибудь по полной программе, одного всей kodloi, а в тот

вечер, с которого я начал свой рассказ, мы как раз это самое и пили.

Карманы у нас ломились от babok, а стало быть, к тому, чтобы сделать в переулке toltshok какому-нибудь старому hanyge, obtriasi ego и смотреть, как он плавает в луже крови, пока мы подсчитываем добычу и делим ее на четверых, ничто нас в общем-то особенно не понуждало, как ничто не понуждало и к тому, чтобы делать krasting в лавке у какой-нибудь трясушей старой ptitsy, а потом gvatt kogti с содержимым кассы. Однако недаром говорятся, что деньги — это еще не все.

Каждый из нас четверых был prikinut по последней моде, что в те времена означало пару черных штанов в облипку со вшитой в шагу железной чашкой, вроде тех, в которых дети пекут из песка куличи, мы ее так песочницей и называли, а пристраивалась она под штаны как для защиты, так и в качестве украшения, которое при определенном освещении довольно ясно вырисовывалось, и вот, стало быть, у меня эта штукавина была в форме паука, у Пита был ruker (рука, значит), Джорджик этакую затейливую раздобыл, в форме tsvetujotshka, а Тём додумался присобачить нечто вовсе паскудное, вроде как бы клоунский mordor (лицо, значит), — так ведь с Тёма-то какой спрос, он вообще соображал слабо, как по zhizni, так и вообще, ну, темный, в общем, самый темный из всех нас. Потом полагались еще короткие куртки без лацканов, зато с огромными накладными плечами (s myshtsoi, как это у нас называлось), в которых мы делались похожими на карикатурных силачей из комикса. К этому, блин, полагались еще галстучки, беловатенькие такие, сделанные будто из картофельного пюре с узором, нарисованным вилкой. Волосы мы чересчур длинными не отращивали и башмак носили мощный, типа govnodav, чтобы пинаться.

— Ну, что же теперь, а?

За стойкой рядышком сидели три kisy (девчонки, значит), но нас, ratsanov, было четверо, а у нас ведь как — либо одна на всех, либо по одной каждому. Kisy были прикинуты дай бог — в лиловом, оранжевом и зеленом париках, причем каждый тянул никак не меньше чем на трех- или четырехнедельную ее зарплату, да и косметика соответствовала (радуги вокруг glazzjev и широко размалеванный got). В ту пору носили черные платья, длинные и очень строгие, а на grudiah маленькие серебристые значочки с разными мужскими именами — Джо, Майк и так далее. Считалось, что это malltshiki, с которыми они ложились spatt, когда им было меньше четырнадцати. Они все поглядывали в нашу сторону, и я уже чуть было не сказал (тихонько, разумеется, уголком rta), что не лучше ли троим из нас слегка porezvittsia, а бедняга Тём пусть, дескать, отдохнет, поскольку нам всего-то и проблем, что postavitt ему пол-литра беленького с подмешанной туда на сей раз дозой синтемеска, хотя все-таки это было бы не по-товарищески. С виду Тём был весьма и весьма отвратен, имя вполне ему подходило, но в mahatshe ему цены не было, особенно liho он пускал в ход govnodavy.

— Ну, что же теперь, а?

Hanurik, сидевший рядом со мной на длинном бархатном сиденье, идущем по трем стенам помещения, был уже в полном otjezde: glazzja остекленевшие, сидит и какую-то migniu бубнит типа «Работы хрюк-хряк Аристотеля брым-дрым становятся основательно фиговательны». Hanurik был уже в порядке, вышел, что называется, на орбиту, а я знал, что это такое, сам не раз пробовал, как и все прочие, но в тот вечер мне вдруг подумалось, что это все-таки подлая shtuka, выход для трусов, блин. Выпьешь это хитрое молочко, свалишься, а в bashke одно: все вокруг bred и hrenovina, и вообще

все это уже когда-то было. Видишь все нормально, очень даже ясно видишь — столы, музыкальный автомат, лампы, *kisok* и *malltshikov*, — но все это будто где-то вдалеке, в прошлом, а на самом деле *ni hrena* и нет вовсе. Уставишься при этом на свой башмак или, скажем, на ноготь и смотришь, смотришь, как в трансе, и в то же время чувствуешь, что тебя словно за шкурку взяли и трясут, как котенка. Трясут, пока все из тебя не вытрясут. Твое имя, тело, само твое «я», но тебе *plevatt*, ты только смотришь и ждешь, пока твой башмак или твой ноготь не начнет желтеть, желтеть, желтеть... Потом перед глазами как пойдет все взрываться — прямо атомная война, — а твой башмак, или ноготь, или там грязь на штанине растет, растет, блин, пухнет, вот уже весь мир, *zaraza*, заслонила, и тут ты готов уже идти прямо к богу в рай. А возвратишься оттуда раскисшим, хныкающим, *morder* перекошен — уу-ху-ху-хууу. Нормально в общем-то, но трусовато как-то. Не для того мы на белый свет попали, чтобы общаться с богом. Такое может все силы из парня высосать, все до капли.

— Ну, что же теперь, а?

Радиола играла вовсю, причем стерео, так что *golosnia* певца как бы перемещалась из одного угла бара в другой, взлетала к потолку, потом снова падала и отскакивала от стены к стене. Это Бerti Ласки наяривал одну старую *shtuku* под названием «Слупи с меня краску». Одна из трех *kisok* у стойки, та, что была в зеленом парике, то выпячивала живот, то снова его втягивала в такт тому, что у них называлось музыкой. Я почувствовал, как у меня пошел *torsh* от ножей в хитром молочишке, и я уже готов был изобразить что-нибудь типа «куча-мала». Я заорал: «Ноги-ноги-ноги!» как зарезанный, треснул отъехавшего *hanugi* по чану, или, как у нас говорят, *v tyukvi*, но тот даже не почувствовал, продолжая бормотать про «телефоническую бармахлюндию

и грануляндию, которые всегда тыры-дырбум». Когда с небес возвратится, все почувствует, да еще как!

— А куда? — спросил Джорджик.

— Какая разница, — говорю, — там glianem — может, что и подвернется, блин.

В общем, выкатились мы в зимнюю необъятную potsh и пошли сперва по бульвару Марганита, а потом свернули на Бутбай-авеню и там нашли то, что искали, — маленький toltshok, с которого уже можно было начать вечер. Нам попался ободранный stari kashka, немощный такой tshelovek в очках, хватаящий разинутым hlebalom холодный ночной воздух. С книгами и задрызганным зонтом под мышкой он вышел из публичной biblio на углу, куда в те времена нормальные люди редко заходили. Да и вообще в те дни солидные, что называется, приличные люди не очень-то разгуливали по улицам после наступления темноты — полиции не хватало, зато повсюду шныряли разбитные malltshipalltshiki вроде нас, так что этот stari профессор был единственным на всей улице прохожим. В общем, podgulivajem к нему, все аккуратно, и я говорю: «Извиняюсь, блин».

Глянул он на нас этак puglovato — еще бы, четверо таких ambalov, да еще откуда ни возмись, да с ухмылочками, но ничего, отвечает. «Я вас слушаю, — говорит, — в чем дело?» Причем этак зычно, учительским тоном: пытается, значит, представить, будто он и не puglyi во все. Я говорю:

— Вижу, вот книжонки у тебя под мышкой, блин. Редкостное, можно сказать, удовольствие в наши дни встретить человека, который что-то читает.

— Да ну, — сказал он, весь дрожа. — Неужто? Впрочем, да, да. — А сам все смотрит на нас, на одного, другого, в глаза заглядывает, уже стоя посередине этакого улыбчивого аккуратного квадрата.

— Ага, — говорю. — Очень было бы интересно глянуть, блин, если разрешишь, конечно, что это у тебя за книжки такие. Больше всего на свете люблю хорошенькие чистенькие книжки.

— Чистенькие? — удивился он. — Хм, чистенькие. — И тут Пит хватя у него из-под мышки всю его drebedenn и скоренько нам раздал. Каждому по книжке досталось, кроме Тёма. Та, что оказалась в руках у меня, называлась «Введение в кристаллографию», я раскрыл ее и говорю: «Здóрово, первый сорт», — а сам страницы листаю, листаю. И вдруг говорю таким голосом раздраженным:

— Эт-то еще что такое? Гадкое слово, мне на него и глядеть-то стыдно. Ох, разочаровал ты меня, братец, ох, разочаровал!

— Но где? — засуетился он. — Где? Где?

— Ого, — вступил Джорджик, — вот уж где грязь так грязь! Вот: одно слово на букву «х», а другое на «п». — У него была книга под названием «Загадки и чудеса снежинок».

— Надо же, — присоединился к нам и balbesina Тём, глядя через плечо Пита и, как всегда, perebarstshivaja. — И впрямь, все как по нотам: и чего куда, и на картинке показано. Слушай, — говорит, — да ты же просто грязный kozlina!

— И это в таком почтенном возрасте, ай-яй-яй, — заговорил снова я, принимаясь рвать попавшую мне в руки книгу пополам, а мои друзья занялись тем же с остальными книгами, а особенно старались Тём с Питом, вдвоем расправляясь с «Ромбоэдрическими структурами». Stari intell сразу в kritsh: «Они не мои! Хулиганство! Вандализм! Это муниципальная собственность!» — или что-то вроде. Попытался даже вроде как вырвать книги у нас из рук, но это уж вовсе была hohma.

— Что ж, придется тебя, братец, проучить, — сказал я. — Достукался. — Причем оказавшийся у меня в ру-

ках учебник был переплетен очень крепко, нелегко было устроить ему *gazdryzg* — еще бы, книга была старая, выпущенная во времена, когда все делали очень добротню, вроде как не на один день, но я все же выдираю из нее страницы, комкаю и осыпал ими *stari kashku*, они кружились и летали в воздухе, словно огромные снежинки, при этом мои друзья делали то же самое, и только Тём просто плясал вокруг и кривлялся — клоун и есть клоун.

— Вот тебе, вот тебе, — приговаривал Пит. — Получай под расписку, погань, грязный порнографист!

— Поганое ты *otroddje, padla*, — сказал я, и начали мы *shustritt*. Пит держал его за руки, а Джорджик раскрыл ему пошире *pastt*, чтобы Тёму удобно было выдрать у него вставные челюсти, верхнюю и нижнюю. Он их швырнул на мостовую, а я поиграл на них в каблучок, хотя тоже довольно крепенькие попались, гады, из какого-то, видимо, новомодного суперпластика. *Kashka* что-то там нечленораздельное зачмокал — «чак-чук-чок», а Джорджик бросил держать его за *gubiohi* и сунул ему *toltsbok* кастетом в беззубый *got*, отчего *kashka* взвыл и хлынула кровь, бблин, красота, да и только. Ну, а потом мы просто раздели его, сняв все до нижней рубахи и кальсон (*staryh-staryh*; Тём чуть *bashku* себе, на них глядя, не *othohotal*), потом Пит *laskovo* лягнул его в брюхо, и мы оставили его в покое. На заплетающихся ногах он пошел прочь — мы ему не очень-то сильный *toltsbok* сделали, — только все охал, не понимая, где он и что с ним, а мы похихикали *tshutok* и прошлись по его карманам, пока Тём выплясывал вокруг с замызганным зонтиком, но в карманах мы мало чего обнаружили. Нашли несколько старых писем, из которых некоторые, написанные еще в шестидесятых, начинались с «милый мой дорогой» и всякой прочей *driani*, еще нашли связку ключей и старую пачкающуюся авторучку. Старина Тём прервал свою пляску с зонтиком и, конечно же, не вы-

держал — принялся читать одно из писем вслух, вроде как чтобы показать всей пустой улице, что он умеет читать. «Мой дорогой, — начал он своим писклявым голосом, — пока тебя нет со мной, я буду все время о тебе думать, а ты не забывай, пожалуйста, одевайся потеплее, когда выходишь из дому вечерами». Тут он выдал *gromki* такой *smeh* — «ух-ха-ха-ха» — и притворился, будто вытирает этим письмом себе *jami*.

— Ну ладно, — сказал я. — Завязываем, блин.

В карманах брюк у *stari kashki* нашлось немного *babok* (денег, стало быть) — не больше трех *hrustov*, так что всю его *melotshiovku* мы раскидали по улице, потому что все это было курам на смех по сравнению с той капустой, что распирала наши карманы. Потом мы разломали зонтик, всем тряпкам и одежде устроили *razdruzg* и разметали их по ветру, блин, и на том со старым *kashkoi*-учителем было покончено. Конечно, я понимаю, то был вариант, так сказать, усеченный, но ведь и вечер еще только начинался, так что никаких всяких там извининни-ненний я ни у кого за это не просил. «Молоко с ножами» к тому времени как раз начинало чувствоваться, что называется, *budte zdraste*.

На очереди стояло сделать смазку, то есть слегка разгрузиться от капусты, тем самым, во-первых, обретя дополнительный стимул, чтобы *triahnutt* какую-нибудь лавочку, а, во-вторых, купив себе заранее алиби, и мы пошли на Эмис-авеню в пивную «Дюк-оф-Нью-Йорк», где не бывало дня, чтобы в закутке не сидели бы три или четыре *babusi*, *lakaja* помойное пиво на последние грошовые остатки своих ГП (государственных пособий). Тут мы уже выступали этакими *pai-malltshikami*, улыбались, делали благовоспитанный *zdrasting*, хотя старые вешалки все равно от страха были в отпаде, их узловатые, перевитые венами *rukery* затряслись, расплескивая пиво из стаканов на пол.

— Оставьте нас в покое, ребятаки, — сказала одна из них, вся такая морщинистая, будто ей тысяча лет, — не трогайте бедных старух. — Но мы только зубами блесь-блесь, расселись, позвонили в звонок и стали ждать, когда придет официант. Он явился, нервно вытирая руки о грязный фартук, и мы заказали себе четыре «Ветерана», а «Ветеран» — это в те времена был такой коктейль очень модный, из рома и шерри-бренди, а еще некоторые любили добавить туда сок лайма — тогда это называлось «канадский вариант». А я и говорю официанту:

— А ну-ка, обслужи babushek по полной программе. Всем по двойному виски и еще дай им чего-нибудь взять с собой. — Я вывалил из кармана на стол весь свой запас deng, и трое моих друзей сделали то же самое — ох, времена были! В общем, появились на столе у peregruglyh старых вешалок стаканы с горючкой, а они сидят ни живы ни мертвы и не знают, чего сказать. Насилу одна из них выдавила: «Спасибо, ребятаки», но по ним было видно: смекнули уже, что тут дело нечисто. Ладно, выдали мы им по бутылке «Янк-Дженерал» — коньяка, значит, причем это уже с собой, а я еще дал deng, чтобы им с утречка принесли на дом по дюжине пива, а они, дескать, пусть только свои voniutshije адреса рассыльному оставят. Потом на оставшуюся капусту мы скупили в zabegalovke все пироги, крекеры, бутерброды, чипсы и шоколадки, и все это тоже для старых кочерыжек. Потом говорим: «Stshias вернемся», и под бормотанье старых куриц — мол, спасибо, ребятаки, дай бог вам здоровья, мальчики, — мы уже пошли на выход без единого цента deng в карманах.

— Ну и ну, прям что в самом деле какие-то мы dobery, — сказал Пит. Причем явно наш темный Тём ни в зуб ногой не vjezzhaejt, но он помалкивал, чтобы мы не назвали его лишний раз glupym и bezmozglym. Ну и пошли мы тут же за угол на Эттли-авеню, там в тот